

Дом Лавгудов Гарри понравился. Рано утром, забрав Гермиону и ее родителей, они все вместе отправились в Оттери-Сент-Кэчпоул с помощью каминной связи. Гарри понравился этот вид магического перемещения, в отличие от аппарации в нем было больше волшебства. Необходимо было бросить летучий порошок в камин, отчего тот загорался красивым зеленым пламенем, а потом четко произнести адрес прибытия и войти в пламя. Это было весело! А вот родители Гермионы почему-то боялись. Но ведь магия и должна быть необычной!

— Привет, Ксено, — первым вышел из камина его крестный и поздоровался с папой Луны.
— Как я погляжу, все картины рисуешь и зверей неведомых ищешь?

— Для того, кто только недавно вышел из Азкабана, ты довольно хорошо выглядишь, — отстраненно произнес Ксено. Однако с приближением к нему Гарри, мужчина, что немного тронулся головой после смерти своей жены во время неудачного эксперимента, неуловимо менялся. — Но что это я, проходите в дом и располагайтесь.

— Я принесла с собой продукты, вам помочь? — спросила Эмма, тряся пакетом. Еще два были в руках ее мужа.

— Не надо, — отмахнулся Блэк. — Кричер сейчас все сделает. Кричер!

— Да, господин?

— Ты слышал? Приготовь нам праздничный ужин.

— Будет сделано! — щелкнув пальцами, он переместил продукты на кухню, которые начали сами нарезать, закидываться в очищающуюся от пыли посуду и готовиться.

— Никогда не перестану удивляться проявлениям волшебства, — сказал Роберт, наблюдая эту картину.

— Так если не удивляться, тогда какая это магия? — рассмеялся Гарри и увидел, как вниз спускается его подруга в белом платье и с сережками в виде редисок. — Привет, Луна.

— Привет, Гарри, привет, Гермиона, — поздоровалась Лавгуд.

— Добрый день, — буркнула Грейнджер. Она до конца не смогла избавиться от ревности, ей непривычно было делить внимание лучшего друга с кем-то еще. Вполне обычная ситуация, зачастую возникающая даже среди братьев и сестер, только там конкуренция ведется за внимание родителей. Вот только Гарри, в отличие от Луны и Гермионы, не был единственным и тем более любимым ребенком в семье, так что откровенно не понимал такого поведения. Его любви на всех хватит, и кого-то отдельно он не выделял. Разве что с Гермионой он был знаком дольше и знал ее лучше, но зато Луна его лучше понимала.

— Давайте я покажу вам дом и участок? — предложила Луна, не зная, что еще предложить. Друзей у нее особо не было, разве что раньше она играла с Джинни Уизли, когда мама еще была жива. Но после ее смерти на глазах девочки, она долго не реагировала вообще ни на что. Отцу приходилось кормить, мыть и одевать ее самому. Она была как кукла. А когда пришла в себя, то ей открылась изнанка мира, но взамен ее перестали понимать другие. Гарри был единственным, кто не только понял ее, но и видел то же самое.

— Конечно! — обрадовался Гарри. Один волшебный дом он уже видел, но два же еще лучше! И пока он радовался разным волшебным штукам в доме и движущимся картинам на изрисованных стенах, Гермиона подмечала совсем другое. Сюжеты картин. В них фигурировала всегда одинокая девочка, смотрящая на луну, сажающая редиски или примеряющая платье. Отец всегда был где-то фоном — рисовал или писал статьи в газету. Но вот одна из них отличалась: там Луна стояла вместе с тремя улыбающимися друзьями. Гарри был по центру и светился как солнце, Луна отражала свое имя, а Гермиона была Землей, что не позволяла им слишком далеко улететь в небо.

— Гермиона, что-то случилось? — рассматривая астральные очки Луны, Гарри заметил, что девочка плачет.

— Да нет, просто в глаз что-то попало, наверное.

— А, ну это частое явление в последнее время. Эпидемия, наверное, — улыбнулся ей мальчик, кладя очки на место. Пока дети пошли играть во двор и выпустить Норберту полетать — ведь они были в волшебной деревушке, так что можно было дать фамильяру немного свободы, взрослые в это время разговаривали о других вещах.

— Вам не кажется, что нам вскоре следует ожидать проблем? Это сейчас дети ведут себя как дети, но только слепой не заметит, что когда наступит пубертат, Гарри придется выбирать? — спросил Сириус, потягивая огневики.

— Вполне возможно, что все разрешится само собой. Мне тоже нравились в детстве два мальчика, но ни один из них в итоге не стал даже моим парнем, — сказала Эмма. — Так что зачем загадывать?

— А зачем выбирать в принципе? — спросил Ксено, а после следующих его слов Роберт и Сириус подавились: — Пускай будет с обеими. Он хороший мальчик.

— То, что он хороший мальчик, еще не значит, что девочки будут согласны делиться. Да и вообще, полигамия... Это... — не находил, что ответить, мистер Грейнджер.

— Я же шучу, — улыбнулся Лавгуд. — Видели бы вы свои лица!

— Хахаха, — смеялся Блэк в стакан, надеясь, чтобы их разговор не слышали дети. И не потому, что пришлось бы объяснять про пестики и тычинки, а также что такое полигамия. А потому,

что Гарри не докажешь, что плохого в том, чтобы он до конца жизни был с его лучшими друзьями. У него как-то свое восприятие действительности, раз адское пламя для него простой огонек для игр.

Несмотря на все опасения Блэка, сочельник прошел замечательно. Дети наигрались и наелись от пуза, полетали в своих доспехах на драконе, взорвали и починили пару холмов чарами. В общем, совершенно обычный день Гарри Поттера. Сириус же понимал, что это не нормально... Но он не хотел, чтобы его крестник стал нормальным. Нормальные люди не уничтожают дементоров и не стараются помочь узникам Азкабана, нормальные люди могут забыть своих друзей как один оборотень, который даже на письма стыдится ему отвечать. Нормальные люди не делают жизнь окружающих светлее и лучше. Это делают только великие.

Гарри знал, что Санта-Клауса не существует. Ему об этом давно рассказала тетя. Но она же сказала ему, что люди наряжаются в костюмы, потому что понимают — раз Санта-Клауса нет, значит они сами будут творить чудеса. Дождавшись, пока взрослые разойдутся, он разбудил Гермиону.

— Гарри... Что? Который час? — спросила она, зевая.

— Час волшебства и чуда! — ответил мальчик, превращая ночнушку девочки в костюм рождественского эльфа. Сонливость и усталость Гермионы как рукой сняло.

— Что ты задумал на этот раз? — строго спросила Гермиона, но на самом деле она сгорала от любопытства. Идеи Гарри редко выглядели разумными, но всегда были неизменно веселыми. Тем более она знала, что самое безопасное место на свете — рядом с ним.

— Я буду Сантой, а вы моими верными помощниками! У нас и повозка уже есть! — девочка увидела, как за окном в воздухе висели рождественские сани с огромным красным мешком в них. В них была запряжена недовольная Норберта.

— Хорошо, но как ты собираешься успеть до утра? У нас мало времени, — спросила она.

— Насчет этого не беспокойся, для Санты нет ничего невозможного! — Гарри провел перед своим лицом рукой и переделал себя в костюм Санта-Клауса с бородой. Что выглядело комично, учитывая, что рост и телосложение он не менял. С Луной же было еще проще, она, не задавая вопросов, с восторгом согласилась.

— А куда мы летим? — поинтересовалась Гермиона, сев в сани последней. Гарри вытащил из-за пазухи свиток, который, открывшись, достиг земли.

— У меня есть список хороших и плохих мальчиков и девочек, — подмигнул он ей. Для

сохранности своего рассудка она не стала спрашивать, откуда Гарри его взял.

Ночь растянулась для детей на неделю. Гермиона не понимала, как ее друг это провернул и почему ей не хотелось есть, спать или в туалет все это время, но факт остается фактом. Ориентируясь каким-то своим мыслям, они облетели всю Англию. Ни разу за все время не встретили богатых и здоровых. Гарри лечил больных в госпиталях, а бедным оставлял подарки из бездонного, как ей показалось, мешка. Ведь не только детей Гарри одаривал, но и взрослых, а также стариков. Гермиона сама не заметила, как втянулась — никогда бы она не подумала, что дарить подарки может быть так приятно. А Луна и Гарри даже не задумывались о таких вопросах, они хотели сотворить чудо — и они его делали. Вот она — настоящая, рождественская МАГИЯ! Последней их точкой прибытия был Азкабан, где Гарри впервые за долгое время испытал истощение. Но он знал, что даже плохие люди иногда достойны второго шанса. И нет, он не собирался их выпускать...

Беллатриса Лестрейндж благодарила и проклинала Альбуса Дамблдора и Гарри Поттера, которые сотворили это с ней. Зачем они вернули ей разум? Зачем заставили вспомнить, из-а чего она сошла с ума? Да, безумная Белла не всегда была таковой. Нет, она не была безгрешна, она поддерживала идеи Лорда Волдеморта и участвовала в рейдах. Но когда она узнала, что беременна, то отошла от дел. Не хотела подвергать ребенка опасности. Но однажды, когда она вместе с Рудольфусом прогуливалась по Косому Переулку, один из обезумевших от горя магглорожденных узнал ее и послал в них проклятие. Рудольфус защитился, а она нет. Так Белла потеряла свою дочь и стала бесплодной, а родовое безумие взяло над ней верх. О нет, она ни в коем случае не оправдывала себя, но и последние сдерживающие ее цепи исчезли, ей больше нечего было терять, а уважение к мужу было потеряно. Иррационально она возложила вину на него, потому что он защитился сам, но не защитил ее. И вот сейчас в рождественскую ночь она видела самый ужасный кошмар своей жизни. Она видела, как душа ее дочери перерождается по иронии судьбы в Гарриет Поттер — избранную параллельного мира. Как другая женщина, Лили Поттер, защищает ее ценой своей жизни. И зовет ее, Беллу, чтобы она помогла, ведь жертва уплачена и Лили не может вернуться. Зато может защитить свою переродившуюся дочь неудавшаяся мать. Белла со слезами на глазах кивнула и... очнулась в чужом теле. Она получила второй шанс прожить жизнь не грешницей, но матерью.

Наутро дети проснулись усталые, но довольные. Гарри не забыл о подарках для них и создал для подруг копии своего шарика — ему наконец-то удалось сделать их такими, чтобы девочкам не было так плохо, как ему самому поначалу. Если Луна приняла подарок сразу и без задней мысли, то вот Гермиона касалась его будто горячих углей. Но ее опасения были напрасны — отток магии был ощутимым, но не чрезмерным. Дети еще не знали, что их выходка окажется проблемой для обливизейторов и всего Статута Секретности в целом даже большей, чем атаки Гриндевальда во время Второй мировой. Тысячи излеченных, и еще больше тех, кто не понимал, откуда у них появились подарки. Самое ироничное, что маленькие дети даже не задавались этим вопросом — ведь они знали, что их принес Санта-Клаус.

Гарри же было весело, еще никогда он так не отмечал Новый Год и Рождество. Подруги, Грейнджеры, Лавгуд, крестный, поздравления приятелей из Хогвартса. У него никогда не было столько знакомых и близких до этого. Ему присылали подарки, и он дарил их в ответ, это ни с чем несравнимое чувство переполняло мальчика. Сам он разослал ответные письма с подарками при помощи Норберты, чем изрядно приводил в восторг учеников и пугал до ужаса

их родителей. Не забыл он и о Дурслях, ведь в последнее время они стали относиться к нему нормально, да и он понимал, что им не платили за его содержание. Именно это он и прислал — деньги, примерно десять килограмм чистого золота. Он надеялся, что им этого хватит для возмещения всех расходов на него, так как несильно разбирался в ценах на него. Остальным Гарри старался дарить то, что они хотят. Так Минерва Макгонагалл получила кошачью мяту и шерстяной клубок, а Альбус Дамблдор всегда теплые водонепроницаемые мягкие носки и сон. Сон, в котором он встретился с душой Арианы, своей сестры, которая уже переродилась в другом мире. Она благодаря магии сохранила свои знания и жила в странном мире с космическими кораблями, что летают меж звезд. Ариана рассказала ему, что давно простила Альбуса и живет в свое удовольствие будучи графиней целой планеты, и что он тоже должен отпустить свою вину и жить дальше. Они еще долго говорили, делясь историями своей жизни, а на утро Дамблдор проснулся в слезах, но это были слезы освобождения.

Уже под конец каникул, когда Сириус рассказывал и показывал, как он зачаровывал свой мотоцикл, все время его заключения пробывший у сохранившего его Хагрида, кто-то позвонил по каминной сети. Очень сложно жить в настолько скрытом доме, так что хоть какую-то связь пришлось оставить. Сириус отошел, переговорил с кем-то в камине и спустя минуту в комнату вошел человек. Это был худой мужчина лет сорока на вид, хотя на самом деле ему было всего тридцать два. У него были русые волосы с длинной челкой, тонкие усики под носом и три шрама на лице, будто оставленные диким зверем. Одет он был в старую, потертую, но чистую и опрятную одежду: серый твидовый пиджак, черную мантию, галстук и штаны, а также рубашку с тонкими полосками непонятного цвета и в кожаные ботинки.

— Сириус, я... — замялся мужчина, опустив глаза в пол.

Римус, дружище! — радостно воскликнул Блэк и от души вмазал своему другу в лицо. — Это тебе за то, что ни разу не пришел к Гарри или ко мне.

— Я не мог, я же...

— Твоя пушистая проблема? Я знаю о ней, и только потому я тебя впустил, а не послал...

— Сириус посмотрел на внимательно слушающего крестника и не стал продолжать тираду, просто обязанную закончиться отборным матом. О да, Азкабан пополнил его словарный запас даже русскими матами Долохова, а Руквуд вообще был полиглотом. — Туда, где солнце не светит.

— Я бы хотел извиниться за свое поведение и за то, что так долго не приходил...

— Стоп-стоп-стоп, — вскинул руки Блэк, после чего рывком поднял на ноги Люпина. — Хватит быть мямлей. Что было, то прошло. Пойдем лучше со своим крестником тебя познакомлю, сыном Джеймса. Гарри!

— Да, дядя Сири? — для Люпина, обладавшего нюхом и слухом оборотня, появление мальчика

было совершенно неожиданным. Более того, его внутренний зверь был напуган им до дрожи. Будто бы одно желание Гарри — и его сотрет с лица Земли. А за ним будто щенок шел дракон, от которого ощущения были слабее, но схожие.

— Знакомся, это... Мы были друзьями в школе, — смог определить свое отношение к Люпину Блэк. Нет, будь он одиноким узником, скрывающимся от закона и чье психическое состояние, заикнутое на прошлом, висит на волоске, он бы мог и простить Люпина. Но он был излечен и оправдан, у него была уйма денег, которые ему не потратить за всю жизнь, а еще у него был иногда пугающий, но такой добрый крестник. Что уж говорить, если он из-за него даже к алкоголю не притрагивался, боясь подать плохой пример? У него было, ради кого жить, и Римус вызывал только горько-сладкое чувство ностальгии по давно прошедшим временам, которые не вернуть. Он не винил Люпина, но и оправдывать его не желал, зная натуру своего бывшего друга. Тот просто трусил, убежал, наверняка он даже не пытался ничего сделать, поверив, что Блэк преступник и предатель. Ведь о подмене хранителя Римус не знал.

— А всех друзей при встрече бьют в лицо? — невинно спросил мальчик.

— Не всех, только особенных. Которые забывают о том, что на самом деле значит слово «дружба».

— Я, наверное, лучше пойду, — сказал Люпин, разворачиваясь к камину.

— Снова сбежишь? Как ты сбежал, когда погибли Джеймс и Лили. Как сбежал, когда помощь была нужна мне и Гарри. Как бежишь всю жизнь от своей сущности!

— Да что ты знаешь?! Вы единственное, что было у меня! Джеймс погиб, тебя посадили в Азкабан, а Петтигрю убил ты! Но тогда я еще не знал, что хранителем был он, и что мне оставалось думать? Я жил все эти годы, побираясь любой самой грязной работой у магглов!

— А я сидел в Азкабане, ты хочешь помериться, кому было хуже?

— Хватит, пожалуйста! — звонкий голос мальчика вышиб зачарованные на неразбиваемость стекла дома Блэков. Гарри не любил, когда дорогие ему люди ссорятся. И пусть дорог тут только один, особо дело это не меняло.

— Прости, Гарри, мы увлеклись, — извинился Сириус, зажимая уши. Оборотно пришлось еще хуже.

— А я могу задать вопрос? — мальчику стало стыдно, и, махнув рукой, он под ошалелый взгляд Римуса и гордый Блэка восстановил все разрушенное.

— Конечно, — ответил Сириус. — Ведь разговор и тебя касается.

— А почему вы просто не использовали магию? Дома у тети Петунии я часто восстанавливал сломанные вещи и получал за это немного денег. Но вы взрослый, вам бы платили гораздо больше, — невинный вопрос мальчика поставил Люпина в тупик. Не было никакого смысла батрачить разнорабочим или грузчиком, достаточно было открыть свою ремонтную мастерскую. А чем он будет вещи чинить — магией или маггловскими методами — никого интересовать не будет.

— Ха, Римус, даже ребенок умнее тебя, — сказал ему Блэк. — Гарри, мы пойдем поболтаем с моим «другом» под душам. Не подглядывай, хорошо?

— Хорошо, — согласился мальчик. Сириус давно понял, что смысла скрываться чарами от крестника нет никакого — тот пройдет их, как будто тех и нет. А вот если банально попросить, то никаких проблем. Проведя оборотня на кухню, Блэк приказал притащить бутылку огневиски, еще не зная, что подглядывать он мальчику запретил, но вот подслушивать ему никто не мешал. Так Гарри и узнал, что Римус Люпин оборотень. Впрочем, некую двойственность он почувствовал сразу, а потому и не смог сдержать своего любопытства.

На следующий день Римус проснулся с адским похмельем, принял зелье от домовика и, попрощавшись с Сириусом, поехал домой. Хотя домом назвать однокомнатную конуру в Лютном язык не поворачивался. Но идея Гарри ему понравилась, поэтому он, найдя в телефонном справочнике ближайшую скупку металлолома и электроники, поехал туда и на все имеющиеся небольшие деньги накупил бытовой техники и компьютеров по цене чуть дороже лома. Восстановив его, он ходил по ломбардам и комиссионным магазинам. Пусть прибыль вышла небольшая, но она была! Целых две недели после этого он скупал хлам и продавал его подороже уже восстановленным. За это время он научился определять, какие вещи новые, а каких нет смысла брать. Какие ходовые, а какие и даром никто не возьмет. Он уже хотел взять кредит в банке и открыть небольшой магазинчик по скупке сломанных и старых вещей, а также их ремонту. Но вовремя вспомнил о полнолунии и своей пушистой проблеме. Вот только, как обычно уйдя в лес и привязав себя цепями к дереву, так как веревку он перегрызет, он понял... Что не превращался. Всю ночь он, как дурак, с ужасом ожидал болезненной, рвущей мышцы и ломающей кости трансформации, а потом ужасной усталости на пару дней, но это не было. Люпин не знал, что тоже получил подарок от Санта-Клауса по имени Гарри.

<http://tl.rulate.ru/book/47251/1131772>